

Научная статья

УДК 81-4

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-1-21-28>

5.9.8 Теоретическая, прикладная и

сравнительно-сопоставительная лингвистика

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ВОЙНЫ В ДИСКУРСЕ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Екатерина Андреевна Куприянычева

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия
katya_bukreeva@mail.ru

Аннотация. Охарактеризован контекст когнитивных лингвистических исследований. Введены понятия концептуальной метафоры, метафорического моделирования, неэкспертной концептуализации войны. Проанализированы метафорические модели войны в художественных произведениях на русском и немецком языках. Выявлены универсальные и национально-специфические представления метафоры войны.

Ключевые слова: метафора, метафорическое моделирование, представление о войне

Для цитирования: Куприянычева Е.А. Метафорическое моделирование войны в дискурсе XX века (на материале русского и немецкого языков) // Лингвистика и образование. 2024. Том 4. №1. С. 21-28. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-1-21-28>

Original article

METAPHORICAL MODELING OF WAR IN THE DISCOURSE OF THE XX CENTURY (BASED ON THE RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES)

Ekaterina A. Kuprianycheva

Perm state national research university, Perm, Russia
katya_bukreeva@mail.ru

Abstract. The context of cognitive linguistics is characterized. The concepts of conceptual metaphor, metaphorical modeling, and non-expert conceptualization of war are introduced. Metaphorical models of war in the Russian and German fiction are analyzed. Universal and nationally specific representations of the war metaphor are identified.

Keywords: metaphor, metaphorical modeling, concept of war

For citation: Kuprianycheva E.A. Metaphorical modeling of war in the discourse of the XX century (based on the Russian and German languages), Linguistics & education 2024;1:21-28. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-1-21-28>

В современном языкознании когнитивная лингвистика является одним из интенсивно развивающихся и перспективных направлений, расширяющих представления о соотношении языка и сознания, познании человеком объективной действительности, отражении в языке ментальных структур. В сферу интересов когнитивной лингвистики в XX веке входит метафора как мощное средство познания мира. При этом меняется и само понятие метафоры.

Метафору определяют, как способ мышления о мире, использующий прежде добытые знания для постижения новых [1].

Культурологический поворот в философии XX века predetermined новый подход к изучению категория знания, в связи с чем в фокус исследовательских интересов попало неэкспертное, или личностное знание. Большую актуальность приобрели дискурсивные источники личностного знания, а также его лингвистические маркеры, в том числе метафоры.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении образных репрезентаций войны и их метафорическом моделировании.

Несмотря на многообразие работ, связанных с осмыслением второй мировой войны, данная тема остается не в полной мере изученной. Актуальным является выявление представлений, вербализованных в военном нарративе как источнике личностного знания, которые могут существенно дополнить и уточнить имеющиеся онтологические модели.

Как известно, к источникам военного нарратива относятся произведения художественной литературы, военные фильмы, песни, письма фронтовиков, воспоминания участников войны, записи в дневниках, и другое. В настоящем исследовании мы обратились к анализу отечественных и немецких художественных произведений (далее ХП) о войне: антивоенный роман Анатолия Ананьева «Танки идут ромбом» (1963) [2], повести Василя Быкова «Третья ракета» (1963) [3], «Сотников» (1970) [4], «Обелиск» (1976) [5]; романы Генриха Бёлля «Где ты был, Адам?» (Heinrich Böll „Wo warst du, Adam?“ 1951) [6], Эриха Марии Ремарка «Время жить и время умирать» (Erich Maria Remarque „Zeit zu leben und Zeit zu sterben“ 1954) [7].

Методологической базой нашего исследования послужили работы Н.Н. Болдырева, Е.С. Кубряковой, В.А. Масловой, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, В.З. Демьянкова, в сфере когнитивной лингвистики; Л.М. Алексеевой, С.Л. Мишлановой, Дж. Лакоффа, М. Джонсона, М.В. Пименовой А.П. Чудинова в области когнитивной теории метафоры.

Вслед за А.П. Чудиновым под метафорической моделью понимаем «существующую и / или складывающуюся в сознании носителей языка схему связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: 'X — это Y'» [8, с. 70]. Данная модель соотносится с введенными ранее определениями компонентов метафорической модели как области-цели (X) и области-источника (Y) [1]. Таксономическая модель области-источника получила название структурной метафоры. Эта метафорическая модель представляет собой понятийную область, элементы которой связаны различными семантическими отношениями [9; 1; 10; 11].

При проведении исследования нами были выявлены 4 метафорические модели в источниках военного нарратива на русском языке (Модель «ВОЙНА – это МИР ЖИВОТНЫХ»; Модель «ВОЙНА – это АД»; Модель «ВОЙНА – это ИГРА»; Модель «ВОЙНА – это НЕОБУЗДАННАЯ СТИХИЯ»); 6 моделей в источниках военного нарратива на немецком языке (Модель «ВОЙНА – это МИР ЖИВОТНЫХ»; Модель «ВОЙНА – это АД»; Модель «ВОЙНА – это ИГРА»; Модель «ВОЙНА – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ»; Модель «ВОЙНА – это НЕОБУЗДАННАЯ СТИХИЯ»; Модель «УЧАСТНИКИ ВОЙНЫ – это ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО»). Далее приведем пример одной из обозначенных метафорических моделей.

Модель «ВОЙНА – это ИГРА» включает таксоны «Атрибуты игры» (In der Stille war nur selten einmal ein Schuß zu hören, die Gegner schienen Granaten zu wechseln wie Bälle, die nicht ernst gemeint waren, nur andeuten sollten, daß noch Krieg war...[6]); «Кукольный театр» (Der Russe schien sich zu heben und Graeber entgegenzukommen. Es war, als wölbe er sich, wie Personen in Juxbuden auf dem Jahrmarkt in einen konvexen Spiegel [7, с. 28]); «Цирковое представление» (Und seitlich daneben, als hätte er viele Gelenke mehr als im Leben, der Luftschutzwart, ohne Kopf, erschlaft und nur noch wenig Blut sprudelnd, zusammengebogen, die Beine über den Schultern, wie ein toter Schlangemensch [7, с. 285]); «Театральное представление» (Die Bank, auf der sie saßen, war im Schatten, und sie trat hinaus in den wehenden Widerschein der Brände wie eine Tänzerin in das Licht einer Bühne [7,

с. 204]); «Киносъёмка» (Das Licht flackerte wie in einem schlecht beleuchteten Film, Krachen barst hinein, Dunkelheit und Helle schwankten wild durcheinander, und im zuckenden Licht wirkten die Gruppen an den Tischen wie ungeheuer langsame Zeitlupenaufnahmen [7, с. 197]).

В процессе анализа представлений о войне, репрезентируемого в русских и немецких художественных текстах, нами были выявлены как сходные, так и специфические особенности восприятия второй мировой войны вовлеченными в нее народами – воюющими сторонами.

И русские, и немцы воспринимали войну как великое горе, несчастье. Ее они отождествляли с хищной птицей, с доисторическими насекомыми, что проявилось в «животной» метафоре, которая в отличие от «растительной» метафоры используется для обозначения отрицательной оценки предмета, явления, события [12] (Да, война. <...> Под ее черным крылом качались, росли и учились мы, сыны солдат [3, с. 74]; Миклашевич в ее когтях побывал да так и не вырвался [3, с. 341]; Die Dächerreihen rundum waren räudig und zerfressen, als hätten riesige, vorweltliche Insekten einen Ameisenhaufen zerwühlt [7, с. 96]).

Атрибуты войны также наделены «животными» чертами (И тут откуда-то издалека доносится танковый рев [3, с. 114]; Вверху воет, скулит, падает [3, с. 61]; Es splitterte und klirrte und riss und rauschte und knatterte, als hätte eine riesige Tatze zugeschlagen und den Keller in ein Vakuum gerissen [7, с. 198]; Das Tosen wurde zu metallischem Rasen [7, с. 286]; einige, umgeworfen, hatten mit den Raupenbändern noch eine Zeitlang weiter gemahlen wie auf dem Rücken liegende Riesenkäfer [7, с. 376]; Wir sind Kriegsoffer [7, с. 320]; Sie bewegte die Schultern und den Kopf wie ein Tier, das aus dem Käfig kommt [7, с. 118]; Он (Кривенюк) как зверь в клетке, мечется по окопу [3, с. 111]).

Говоря о национально-культурной специфике концепта «Война», отметим, что одни и те же события военных лет по-разному воспринимаются, переживаются и оцениваются народами, участвовавшими в войне: существует определенная связь специфики концепта «Война» с особенностями мышления народа, а также с экстралингвистикой – с характером войны.

В немецкой антивоенной и антифашистской литературе послевоенного периода наблюдается осознание своей вины и раскаяние немецкого народа по поводу жесточайших преступлений: происходит отказ от изображения военных действий как героических, намечается дегероизация, наплыв пессимистического настроения, безысходности, обреченности на провал, так как война первоначально не преследовала «благородных» целей, она была захватнической по характеру. Поэтому образ войны окрашен в произведениях немецких писателей в более темные, мрачные тона по сравнению с ХП русских писателей. Мотив смерти и безысходности можно проследить на всем протяжении каждого из немецких романов (см. Модель «ВОЙНА – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ»: <...> als sei die ganze Stadt in Trauer, eine endlose Morgue, mit eingesargten Wohnungen, eine einzige Leichenwache [7, с. 147]).

В отечественных произведениях передается любовь русского народа к Родине, к русской земле (Держитесь за землю-матушку, она выручит; Земля моя родная, люди мои родные, дайте мне эту силу! [3, с. 53]).

Родина в немецких художественных произведениях представлена разрушенной, разграбленной страной, погрязшей во лжи и лицемерии, родина подобна чужбине: в родном городе по ночам кишит нечисть, и кажется, что людей в нем уже не осталось (модель «ВОЙНА – это МИР ЖИВОТНЫХ»: Die Dächerreihen rundum waren räudig und zerfressen, als hätten riesige, vorweltliche Insekten einen Ameisenhaufen zerwühlt [7, с. 96]).

В русских произведениях наличествует оценка врагов-захватчиков: чувство ненависти к ним, негодование, которые нашли отражение в метафорической модели «ВОЙНА – это АД», где Гитлер и его подчиненные подобны дьяволу и его демонической свите, которые вершат зло во всем мире и всюду сеют смерть (в стране, где царит дьявол [3, с. 104]; Он фашист! Сволочь! Он тоже продал Гитлеру душу [3, с. 50]).

Оценка врага в немецких произведениях дана неоднозначно: истинные гитлеровцы презирают русских пленных, называя их недочеловеками (Es sind Untermenschen, bolschewistische Untermenschen [7, с. 73]), а «прозревшие» немцы

сострадают пленным, что отображено в метафорической модели «ВОЙНА – это МИР ЖИВОТНЫХ» и находит выражение в такой метафоре, как «Die Gefangenen <...> wie die Affen im Käfig» [7, с. 391].

В немецких произведениях аналогичная метафора создает образ немецкого человека – животного, выходящего из клетки (ein Tier, das aus dem Käfig kommt [7, с. 118]): фашисты посадили и своих, и чужих в клетку при помощи лжи и насилия. Это говорит о том, что немецкий народ стоит перед самоопределением: одни называют себя животными, волками, людоедами, навозными жуками. Метафоры «люди с заячьей душой», «слепые как кроты», «полевые мыши» (Maulwürfe sind wir geworden [7, с. 50]; die Stimmen waren wie die schwachen Schreie von Feldmäusen über dem tiefen Murren von Abgründen [7, с. 197]) создают образ немецкого человека, осознавшего всю суть происходящего, которую от него пытались скрыть зачинщики войны (политики и убийцы, обманувшие и наобещавшие многих благ и спокойную жизнь – die Lügner und Schieber, die Fanatiker, die Mörder und die Verrückten [7, с. 49] (см. модель «УЧАСТНИКИ ВОЙНЫ – это ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО»), и чувствующего ответственность за содеянное им и его народом.

Произведения немецких авторов наполнены страхом перед неизвестным будущим, ожиданием великого кровавого возмездия: не случайно в метафорической модели «ВОЙНА – это НЕОБУЗДАННАЯ СТИХИЯ» представлены метафоры, создающие более яркие и ужасающие образы конца света по сравнению с метафорами в аналогичной модели в русских ХП: Wie ein riesiger mittelalterlicher Komet, der einen Weltuntergang ankündigt oder die Geburt eines späten Erlösers [7, с. 204]; Dann begann es zu regnen, als käme die Sintflut noch einmal [7, с. 377].

Таким образом, метафорическое моделирование особым образом репрезентирует художественный концепт, открывает его новые грани и определяет национально-культурную специфику. В исследовании представлена образная репрезентация войны в художественном нарративе, что вносит определенный вклад в изучение концептуальной картины мира. Результаты

исследования могут быть использованы для решения таких проблем, как соотношение языка и мышления, языка и личностного мировидения, а также для решения вопроса о роли языка в процессе познания.

© Куприянычева Е.А., 2024

Список источников

1. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: URSS, 2023. – 256 с.
2. Ананьев А.А. Собрание сочинений. В 4-х т. – Т. 1. Верненские рассказы; Танки идут ромбом; Межа: Романы. – М.: Художественная литература, 1984. – 647 с.
3. Быков В.В. Третья ракета / В.В. Быков Дожить до рассвета. – М.: Издательство «Известия», 1979. – С. 5-119.
4. Быков В.В. Сотников / В.В. Быков Дожить до рассвета. – М.: Издательство «Известия», 1979. – С. 119-271.
5. Быков В.В. Обелиск / В.В. Быков Дожить до рассвета. – М.: Издательство «Известия», 1979. – С. 271-343.
6. Böll Heinrich. Wo warst du, Adam? Roman. 1975. – 76 с.
7. Remarque Erich Maria. Zeit zu leben und Zeit zu sterben. Roman: Kiepenheuer & Witsch, Köln, 2. Auflage, 1999. – 414 s.
8. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург: Издательство Урал. гос. пед. ун-та, 2001. – 238 с.
9. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М., 1994. – 330 с.
10. Мишланова С.Л. Метафора в медицинском дискурсе. – Пермь: Пермский университет, 2002. – 160 с.
11. Чудинов А.П. Уральская школа политической метафорологии как направление политической лингвистики // Когнитивные исследования языка. – 2023. – № 4 (55). – С. 55-58.
12. Маслова, В.А. Homo lingualis в культуре. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.

References

1. Lakoff, Dzh., Dzhonson, M. Metafory, kotorymi my zhivem [The metaphors we live by]. Moscow, URSS, 2023. – 256 p.
2. Anan'ev A.A. Sbranie sochineniy [Collected works]. In 4 volumes. Vol 1. Vernenskie rasskazy; Tanki idut romбом; Mezha [Vernensky stories; Tanks go like a diamond; Between]. Novels. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1984. – 647 p.
3. Bykov V.V. Tret'ya raketa [The third rocket] / V.V. Bykov Dozhit' do rassveta [To live until dawn]. Moscow, Izvestia Publishing House, 1979. – Pp. 5-119.
4. Bykov V.V. Sotnikov [Sotnikov] / V.V. Bykov Dozhit' do rassveta [To live until dawn]. Moscow, Izvestia Publishing House, 1979. – Pp. 119-271.
5. Bykov V.V. Obelisk [The Obelisk] / V.V. Bykov Dozhit' do rassveta [To live until dawn]. Moscow, Izvestia Publishing House, 1979. – Pp. 271-343.
6. Böll Heinrich. Wo warst du, Adam? [Where have you been, Adam?]. Novel. 1975. – 76 p.
7. Remarque Erich Maria. Zeit zu leben und Zeit zu sterben [Time to live and time to die]. Novel. Kiepenheuer & Witsch, Cologne, 2nd edition, 1999. – 414 p.
8. Chudinov, A.P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991-2000) [Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991-2000)]. Ekaterinburg, Publishing House of the Ural State Pedagogical University, 2001. – 238 p.

9. Baranov A.N., Karaulov Yu.N. Slovar' russkikh politicheskikh metafor [Dictionary of Russian Political Metaphors]. Moscow, 1994. – 330 p.
10. Mishlanova S.L. Metafora v meditsinskom diskurse [Metaphor in medical discourse]. Perm, Perm University, 2002. – 160 p.
11. Chudinov A.P. Ural'skaya shkola politicheskoy metaforologii kak napravlenie politicheskoy lingvistiki [Ural School of Political Metaphorology as a direction of political linguistics] // Kognitivnye issledovaniya yazyka [Cognitive Language Studies]. 2023. – № 4 (55). – Pp. 55-58.
12. Maslova, V.A. Homo lingualis v kul'ture [Homo lingualis in culture]. Moscow, Gnozis, 2007. – 320 p.

**Куприянычева Екатерина
Андреевна**

старший преподаватель
ФГАОУ ВО Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь
katya_bukreeva@mail.ru

**Kuprianycheva Ekaterina
Andreevna**

senior teacher
FSBMEI HE Perm state national research university, Perm
katya_bukreeva@mail.ru

Лингвистика и образование. 2024. Том 4. №1. С. 28-43
Linguistics & education 2024 Vol 4, No. 1. P. 28-43

Научная статья

УДК 81-11

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-1-28-43>

5.9.8 Теоретическая, прикладная и

сравнительно-сопоставительная лингвистика

КУЛЬТУРА ДИСКУРСА И ЛОГИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Василий Иванович Сенкевич

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, Брест, Беларусь
sienkiewicz@tut.by

Аннотация. Статья посвящена антиномии дискурса речевой деятельности и логики вербального поведения. Мир объективно существующих явлений противопоставляется реальности сознания, манифестирующего феноменальную реальность «для нас». Дискурс анализируется не в связи с понятием культуры отдельных носителей, а как значимое в любой культуре явление. Феномен логоса рассматривается в свете цивилизации и ментальных состояний пользователей языка. Отмечается, что язык сопрягает в себе восприимчивое и монументальное – сущность и существование. Постулируется, что лингвистическая попытка осмыслить мир как целокупность познаваемого и познающего осуществима на принципах рецептивной феноменологии. Противопоставление общения и коммуникации проливает свет на сущность логоса и его вербальное воплощение в слове *Homo loquens* (Человека говорящего).

Ключевые слова: дискурс, логос, речевая деятельность, вербальное поведение, общение, культура, цивилизация

Для цитирования: Сенкевич В.И. Культура дискурса и логистические аспекты вербального поведения// Лингвистика и образование. 2024. Том 4. №1. С. 28-43.
<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-1-28-43>